

— Поняла, что? — с любопытством переспросил кто-то.

— Семья Цзян отправила Чжан Дая в дом семьи Лю, чтобы та сосватала Цзян Сяои, — объявила старуха Сунь.

Кроме нескольких женщин, сидевших рядом, все остальные были потрясены.

— Что? И такое было?

— А я вам врать не стану.

Эта новость уже облетела всю деревню, но некоторые, занятые делами, о ней ещё не слышали.

— Неудивительно, что я видела, как Чжан Дая несколько дней назад несла домой какие-то свёртки. Я ещё подивилась: не праздник, не новый год, с чего бы ей вдруг к родне ехать? Спросила, а она и не ответила.

— И что, семья Лю согласилась?

Старуха Сунь не успела и рта раскрыть, как её опередила другая женщина:

— Да вряд ли! Лю Хуцзы из деревни Люцзян — парень видный. Я слышала, он в городе, в таверне «Фулай» работает, по несколько сотен взней в месяц зарабатывает. С чего бы ему на Цзян Сяои смотреть?

— Верно, сестрица, угадала, — оживилась старуха Сунь, её лицо так и сияло. — Как только семья Лю узнала, что Чжан Дая пришла сватать Цзян Сяои, они ей тут же показали своё недовольство. Моя невестка говорила, что госпожа Чжан так разозлилась, что побежала к ним домой и устроила скандал. Я считаю, эта Чжан Дая совсем ума лишилась. Кого угодно могла бы сосватать, но нет, именно Цзян Сяои. И что в итоге? Дело не выгорело, так ещё и мать с тёткой перессорила.

Слова госпожи Лю — «наш Хуцзы не будет жениться на ком попало» — разлетелись по округе. Когда об этом услышали в старшей ветви семьи Цзян, жёны дядьёв пришли в ярость и хотели было пойти разбираться, но двоюродная бабушка их остановила.

Какой смысл поднимать шум?

Чем громче скандал, тем больше позора для Цзян Сяои.

Лю Хуцзы от этого ничего не будет, он ведь мужчина, а вот Цзян Сяои — другое дело. В деревне и так о нём говорят всякое, а если ещё и к семье Лю пойти ссориться, то госпожа Лю и остальные и вовсе грязью обольют.

К тому же, двоюродная бабушка не решалась связываться с семьёй Лю.

Кто знает, может, Лю Хуцзы за эти годы в городе завёл полезные знакомства.

Пришлось смириться, решив, что сами виноваты — не в тех людях искали счастья.

Жена старшего дяди была вне себя от сожаления. Она и представить не могла, что семья Лю окажется такой. Ведь всё разузнали, всё проверили, и вот тебе на...

Даже если они не хотели этого брака, зачем же так унижать человека?

В прошлом бывали случаи, когда девушка просила кого-то замолвить за неё словечко, а парень отказывал. Но никто из-за этого не распускал слухи, дело просто заминалось.

А семья Лю поступила иначе. Мало того, что раззвонили на всю округу, так ещё и в таких унижительных выражениях.

Они не боялись нажить врагов и в грош не ставили семью Цзян.

Сначала казалось, что это ради блага Цзян Сяои, а теперь вышло, что только навредили.

В деревне обычно судачат за спиной, никто не осмелится говорить гадости в лицо. Старшая ветвь семьи, видя, что Цзян Сяои и его отец ещё ничего не знают, колебалась, не решаясь им рассказать.

Старшая ветвь не хотела продолжать эту историю, но Чжан Дая не успокоилась. Она снова пошла к матери, и они вместе устроили скандал в доме семьи Лю.

В тот день свояченица Лю как раз была у них в гостях. Насмотревшись на представление, она тут же отправилась в деревню Сяошань к старухе Сунь.

— И о чём только думала семья Цзян? — нахмурившись, спросил кто-то.

— А о чём тут думать? — пожала плечами старуха Сунь. — Увидели, что семья Лю живёт хорошо, и земля есть, и деньги, вот и решили примазаться.

Услышав это, некоторые нахмурились.

Лю Хуцзы, конечно, парень неплохой, но кем бы он ни был, всего лишь трактирный слуга. Неужели он рассчитывает жениться на какой-нибудь городской барышне или господине? В конце концов, ему всё равно придётся искать пару в деревне. А раз все они — деревенские, то никто не выше и не ниже другого.

Для любой семьи свой гэ'эр — самый лучший.

К тому же, испокон веков было принято выдавать дочерей замуж в семьи повыше статусом, а жён брать из семей пониже. Семья Цзян не сделала ничего предосудительного. Да и не только они так поступают. Почему же все набросились именно на них? Почему говорят такие гадости? Как теперь жить Цзян Сяои, незамужнему гэ'эру, после таких унижений?

Старуха Сунь так ополчилась на Цзян Сяои только потому, что Старуха Лю постоянно сравнивала её с ним, вот она и злилась.

Вымещать злость на свекрови она не смела, боясь, что та отыграется на её дочери, поэтому всю свою желчь изливала на Цзян Сяои.

Эти разговоры были крайне неприятны. На телеге были и другие женщины, которые тоже просили замолвить словечко за своих детей перед семьёй Лю. Сейчас они молчали. Лишь гэ'эр Ван не выдержал:

— А что, хотеть выйти замуж за хорошего парня — это ненормально? Кто же не желает своей дочери или гэ'эру богатой жизни?

— Дело не в этом. Желать хорошей партии — это одно, но прежде чем пытаться куда-то пристроиться, надо бы и на себя посмотреть, есть ли у тебя для этого основания и способности, — с презрительной ухмылкой возразила старуха Сунь. — Раньше он говорил, что не хочет замуж, потому что должен отцу помогать и за младшими братьями ухаживать. Красиво сказано, ничего не скажешь. А по-моему, он просто хотел пристроиться к богатым, но никто на него не позарился, вот и придумал отговорку.

Супруг Чжан, подумав, согласно кивнул.

Когда-то он сам присматривался к Цзян Сяои и даже намекнул об этом его отцу. Отец Цзян ещё ничего не ответил, а Цзян Сяои, услышав их разговор, тут же заявил, что сейчас семья в нём нуждается, и о браке он пока не думает.

Тогда эти слова не показались ему странными, он даже решил, что Цзян Сяои — почтительный сын. Но теперь, после слов старухи Сунь, он задумался и всё больше убеждался, что Цзян Сяои тогда всё понял, но семья Хуан показалась ему недостаточно хорошей партией, вот он и отказал под таким предлогом. Иначе почему раньше не хотел замуж, а теперь вдруг захотел?

Больной братец и дурачок до сих пор нуждаются в уходе. Цзян Сяои по-прежнему таскает их за собой повсюду.

— Пф, возомнил о себе невесть что, — злился супруг Чжан. — Я тогда не побрезговал его бедностью, а он, видите ли, меня счёл недостойным. Теперь, когда семья Лю отказала, посмотрю я, кто ещё осмелится к нему свататься.

После такого слуха все будут знать, что у Цзян Сяои нос задран до небес. В округе мало кто богаче семьи Лю. Кто теперь решится просить его руки?

— Эх, — вздохнул кто-то. — А я раньше думал, что этому гэ'эру Цзян не повезло. Мать такая, отец хромой. Но сам он парень толковый, работающий, казался таким надёжным. А ведь и правда говорят: яблоко от яблони недалеко падает. Хуан Сюлянь — бесстыдница, в молодости ещё до свадьбы такое вытворяла. Чего хорошего ждать от её гэ'эра?

— И не говори.

— Кстати, сестра Сунь, а у семьи Лю дело-то решилось?

Старуха Сунь расплылась в довольной улыбке, которую невозможно было скрыть. Недавно её невестка приходила и сказала, что госпоже Лю очень понравилась её дочка Цзюаньцзы, но Лю Хуцзы хотел сначала на неё посмотреть.

На прошлой ярмарке старуха Сунь специально привела Цзюаньцзы и прошла с ней мимо таверны «Фулай». Позже невестка передала, что Лю Хуцзы, вернувшись, сказал матери, чтобы та решала сама. Это означало, что девушка ему приглянулась. Если ничего не случится, дело, скорее всего, сладится.

Но поскольку точного ответа ещё не было и сваха от семьи Лю не приходила, старуха Сунь не стала говорить наверняка.

— Откуда мне знать. Но с его-то положением, невеста у него будет не из простых. И внешностью, и достатком должна быть лучшей в нашей округе.

— Да, это так. Каждой кастрюле — своя крышка!

Кто-то из более сообразительных, видя радость старухи Сунь, тут же всё понял. Семья Лю — завидная партия, любая мать дочери или гэ'эра на выданье будет на них заглядываться. Старуха Сунь не могла остаться в стороне, к тому же её невестка была из семьи Лю...

Наверняка она тоже просила невестку замолвить словечко.

И, похоже, семья Лю тоже заметила Цзюаньцзы, иначе с чего бы старухе Сунь так сиять?

Делает то же самое, что и семья Цзян, а строит из себя святошу и других презирает.

Если бы семья Лю отказала Цзюаньцзы, она бы так не говорила.

— По-моему, из всех наших деревень только ваша Цзюаньцзы и ровня Лю Хуцзы, — с улыбкой поддакнул кто-то, пытаясь ей угодить.

Эти слова пришлись старухе Сунь по душе, и она вся засияла от удовольствия, но всё же сделала вид, что сердится, и отмахнулась.

— Что ты такое говоришь! Ещё разнесётся слух, репутацию моей Цзюаньцзы испортишь.

...

Цзян Сяои, ведя за руку Цзян Сяосаня, сделал два привала. Лишь когда солнце поднялось выше, братья наконец добрались до города.

Въезжая в город, Бай Цзыму высунул голову из корзины и посмотрел вверх. Над воротами были вырезаны три больших иероглифа.

— Пинъян.

Никогда не слышал о таком.

У ворот сновали люди. Одни были в простой одежде и соломенных сандалиях, другие — в длинных халатах и с веерами. Городок был небогатый, и стража не слишком строгая. Видимо, ради бедняков, по указу Великой Чжоу, плату за въезд в города ниже уездного уровня не взимали.

У ворот стояли лишь два стражника с длинными копьями, следя за порядком.

В город въезжали повозки, запряжённые волами и лошадьми, но машин не было.

Увидев это, Бай Цзыму всё понял.

Это стопроцентное попадалово.

Иначе где ещё мужчины рожают детей? И где ещё всё так... первобытно?

Вот это он влип.

Раз он попал в другой мир, как ему теперь вернуться?

Бедный его электроскутер, на который он копил целых три года, экономя на всём! Он и поездить-то на нём толком не успел.

Бай Цзыму тяжело вздохнул и с удвоенной силой принялся грызть бамбуковый стебель. Его маленькие чёрные глазки без остановки вертелись по сторонам, словно он был бабушкой Лю, попавшей в сад Великой Матери.

Ого!

Так вот какие они, улицы в древности. Всё как в кино!

<http://bllate.org/book/13701/1585340>